

ВЛАДИМИР ЧИВИЛИХИН

ГОРНЫЙ АЛТАЙ

В этом году исполнилось бы 85 лет русскому советскому писателю Владимиру Чивилихину, лауреату Государственных премий СССР и РСФСР.

Предлагаем читателю записи его путешествия по территории бывшего Кедрогграда в Горном Алтае.

В 1959 году Совет Министров РСФСР выделил группе выпускников Ленинградской лесной академии полтора миллиона гектаров горно-алтайской кедровой тайги для проведения производственного и научного эксперимента по комплексному пользованию богатствами леса.

Эксперимент прошёл успешно. За три года инженеры доказали рентабельность подобного вида хозяйствования в лесах. Кедрогградцы заготавливали древесину, орех, пушнину, дичь, мед, лекарственные травы, ягоды, панты марала, кедровую смолу (живицу), хвойную муку и многое другое. Были разработаны перспективные технологии, сохраняющие подрост при заготовке древесины, способы взаимодействия охотничьего и лесного хозяйства, нашли лучший способ подсочки, не губящий дерево, дешёвый и безопасный способ съёма урожая орехов.

Однако местные власти, заинтересованные только в заготовке древесины, делали всё, чтобы загубить эксперимент и превратить комплекс в обычный леспромхоз.

В 60-е годы Владимир Чивилихин выступал в защиту Кедрогграда в прессе (“По городам и весям”), с высоких трибун, в кабинетах больших начальников, семь раз посещал Кедрогград, помогая хозяйству выжить.

Эти дневниковые записи — не о трудностях и проблемах Кедрогграда. Они о красоте Горного Алтая, о радости общения с живой природой, о замечательных и интересных людях.

Елена Чивилихина

12 августа 1963 г<ода>, понедельник

И вот мы в Кедрогграде. Выдержали с Леной большую дорогу. Самолётом до Новосибирска, ИЛ-14 довёз нас до Барнаула, и так как ночь мы не спали, то в Барнауле свалились в гостинице замертво.

В ночь на 11-е снова поехали — на станцию Алтайскую, а там поездом до Бийска. Дорога в Кедрогград остаётся трудной, хотя от Бийска есть уже к нему непрерывная дорога.

Проезжали алтайской целиной — и сердце сжималось от горечи, потому что хлеб посох. Жалкие стебельки торчат реденько, обречённо, одиноко. Тре-

тий год тут ничего не родит. Плакали денежки, вложенные сюда с таким шумом и такой ломкой, и с такими большими надеждами.

Отошли вокзалы и аэропорты с голыми измученными ребятишками, с сонными, на последнем пределе терпения взрослыми, с красноглазыми работниками вокзалов.

В Бийске нас ждал Виталий Парфёнов (главный инженер Кедрогграда). Даже в “газике” – машине, приспособленной к нашим дорогам, – путь в Кедрогград показался Лене тяжёлым. Нас кидало и на Шуйском тракте, и по пути к Каракокше от Барнаула и от Каракокши в Уймень. Я говорил несколько раз: “А тут твой муж-инвалид всё своими ногами исходил”, – и мы смеялись.

В Кедрогграде за два года заметны изменения: ребята построили новый гараж, контору, много домов, лесопильный цех, хотя проект ещё и не осуществлялся.

Перед окнами Виталькиного дома вздымаются три горы. За них рано уходит солнце, но, видно, они же останавливают ветра. Лиственный лес на хребте шумит ровно и мощно, потаённо рассказывает слушающему свои тайны. Он шумит, даже когда нет ветра. Но, видно, движение воздуха к вершинам непрерывно. Внизу он теплее с вечера, чем вверху, и тянет тепло к холодным вершинам, а лист колеблется под этим едва заметным током и шумит, шумит.

Осина трепещет, даже если совсем нет ветра, – может быть, тоже от воздушного тока с земли?

В светло-зелёных ярусах на горе – кипарисами стоят пихты. У них густозелёная правильная крона, жирная хвоя, иголки подлиннее, чем у елей, а прирост – тёмно-зелёный, никнувший, мягкий.

Тут совсем нет ели, а пихта куда полезней своей колючей сестры. Под её синей корою, в её шелковистых тяжёлых лапках течёт чудная смола, из которой готовят так называемое пихтовое масло. А из масла этого – единственного пока сырья в природе – делают незаменимую камфору.

Люди всё больше и больше страдают сердцем – наш век утомляет этот чудесный человеческий мускул, перегружая его. Пихтарников у кедрогградцев уйма, и почему бы тут не наладить дело?

– Уже, – ответил Виталий.

– Что – уже?

– Строим пихтозавод, айда смотреть площадку.

Недалеко от лесопилки ворчал и взрывывал бульдозер. Они думают уже в этом году получить первую продукцию. Производство несложное, а у них против сметно-теоретической себестоимости выйдет меньше, потому что паромобиль стоит рядом, и пар будет даровой. Ребята на этом возьмут новые прибыли.

Прибыли... Уже сейчас, когда хозяйство ещё не набрало темп, они единственные в Горном Алтае идут с прибылями. Это здорово! За полугодие – даже сверхплановые накопления. А все остальные леспромхозы оказались убыточными. Приезжал тут недавно зав. пром. отделом обкома Конопкин, бывший секретарь Турочакского райкома, несколько дней крутил носом, “сумлялся”, а уехал вроде бы сторонником этого дела, в которое все мы, лесные братья, вложили столько сил.

Виталий целый день пропадает в “городе”, а дом его как бы дача, хуторок. Он стоит в стороне, у махонькой речонки. Она журчит с другой стороны дома, и это очень удобно – водопровод настоящий, только вода течёт не по трубам, а по камням...

Были в музее. Там кой-какие новые экспонаты появились. Главный – пушной стенд. Продукция, которую готовят ребята, – соболь, белка, выдра, рыжая лиса, хомяк, крот, горностаи, бурундук, колонок. Кой-чего нет ещё – барсука, медведя, козы.

Добыли они для музея беркута – огромную страшную птицу – и залётную поганку с ногами-ластами. На днях Виталий сделал чучела трех дубоносов. Бочкарёв (начальник Главлесхоза РСФСР) был в музее, покачал головой и спросил: “Во сколько вам всё это обошлось?”

– Это мы вечерами, бесплатно – ответил Виталий.

В музее чудесная энтомологическая коллекция. И вечерами Виталий пополняет её. В комнате, где на медвежьей шкуре спим мы, горит 500-свечевая лампочка, и к окну летят ночные бабочки. Есть удивительные по колеру экземпляры – такого не встречается у дневных: с радужными переходами

удивительной гармонии, с бронзовым налётом, с серебряными пятнышками странных форм, чёрные и светло-жёлтые, розовые и тусклые, пепельные, светлые, с таким абстрактным запятнением, что куда там тебе твой Сальвадор Дали.

Ходили на Уймень, набрали грибов, поели ягод. Река взрывает, обкапывает голыши, в заломных местах, в изгибах проток и по берегам лежит отшлифованный водой мелкий лес. Он высушен до звона и бел, будто это кости кажих-то больших животных, что водятся в верховьях Уймени...

Виталий посадил во дворе четыре кедра, и я с трудом отрываю от них глаза – такие они крепенькие, зелёные, так полны жизнью. Весь посёлок засадить бы кедром, а то в жару тут пыльно и душно, и некуда спрятаться от ярого алтайского солнца.

13 августа, вторник

День воспоминаний о вчерашнем дне. Залитая солнцем, порывающая река, тёплые голыши по берегам, ослепительно белые, отполированные водой заломы. Вспоминалось о них с приятным чувством, с почти физическим ощущением острой радости – так естественен, хорош вид реки, говор её, её движение и светлые воды. А нынче Лысую затянуло; закосятились вершины ближних гор. Синяя пелена внизу гуще, принимает белесоватый вид – там уже пошёл дождь. Приближаясь, синева растворяется, будто её собирают на себя несчётные капельки. Потом, будто из дробовика, шарахнет по крыше, осыплет лебеду, крапиву и чертополох во дворе, и трава отзовется гулко, будто чертёжная бумага или заколяневшее на морозе бельё; потом всё покроет шум ровный и монотонный, под который хочется спать. С гор стекает в долину другой звук – перекаточный и мощный, однако приглушённый, будто гром сквозь воду.

Когда солнце выглянет – славно! Трава подсыхает, хотя в капельках ещё чисто, алмазно живёт этот дождь благословенный; утренне-свежая, она берётся за работу, умеряя жар, которым пышет небо. Так – перемененно – было до обеда. Мы пошли собирать грибов, и дождь по-осеннему наладил. Сыпал и сыпал, лил и лил, и некуда было от него схорониться. Тайга в такой дождь – неприятна, холодна и пуста. Пели мелкие пичуги, далеко кричал канюк, просил пить, ему вторила подголосок-желна, а тут всё смолкло. Канюк накликал дождь, и сейчас, видно, пил, сколько его душеньке угодно.

В тайге сыро, она вся пропитывается водой. Под сапогом течёт, выжимается вода – из мха, гнилой колоды, пня, земли, подстилки. Промокший насквозь лес не держит дождя – вода стекает крупными каплями, сочится из-под земли, обдаёт, чуть только тронь кусты или деревца. Стволы берёз и черемухи мокры и скользки. Низкие тучи будто спрессовывают воздух – становится труднее дышать. А мне из такого леса надо уносить своё сердце – ревмокардит, может сформироваться порок; сердце что-то побаливает каждый день... В густом кедровом либо еловом лесу посуше, у костра ещё можно посиживать, а в палатке и того лучше, хотя всё равно пропитаешься весь влагой, если такой дождь не остановится и тайгу не начнёт сушить солнце. Горы, что возлегли напротив, покрыты ближе к вершинам не то облаками, не то туманом, на глазах превращающимся в облака и тут же опускающим седые космы на тайгу – снова лить воду. Виталий меня утешает: погода у них, мол, переменчива, как сердце красавицы, и воздух вот уже не давит, и печной дым пошёл в небо свечой.

14 августа, среда

Он угадал. С утра развиднелось. Были у Сабанского Генриха, охотоведа, посмотрели на маральи панты. Они весенние, покрыты нежным мышинным пухом. Всё доброе из здешней тайги собирается в пантах благородного оленя. Недаром цена на них держится столетиями и не опускается.

Были с Виталием на лесосеке в Богатырёвом логу. Подъём идёт по рубкам старой технологии – жуткое зрелище. Подрост загублен, сломан или выворочен, а тот, что оставлен, – усыхает. Пихта редко стоит, уже и полог над ней снят. Другая температура, другая порция света, влаги и ветра – и пихта погибла. По волокам после вчерашних дождей бежит вода, и серая земля, из которой вымыт уже гумус, сочится слезой. Земля на лесосеке вспорота во многих местах тракторами...

Повыше пошла опытная рубка. Это – новинка, очень важная не только в Кедрограде, но и вообще в кедровых лесах Сибири. Посеки чистые, лишь стоят меж молодого прироста свежие пни. Трактор ходит только по волоку – широкому, на который валяются с двух посек деревья. Кроны ложатся на волок, обрубаются и тут остаются, а хлысты трелюются вершинами вперёд на верхний склад. Сохраняется подрост. Он гуще, чем раньше, не повреждён, потому живёт. Мелкий подрост тоже живёт, потому что полог пихтовый создаёт приближённые условия материнского полога, а под ним возникнет искусственный или естественный молодой кедроч.

Земля тоже цела – трактора на посеку не заходят. И оврагов не образуется – сучья, вдавленные в землю и устилающие волок сплошь, гасят ручьи. Втапывать, правда, в грязь сучья не совсем по-хозяйски, но чем лучше их жечь? Кроме того, пихтовая лапка будет вывозиться на масло. Ребятам надо 700 тонн лапки в год – это немало. Кедровая хвоя тоже найдёт себе применение: она со временем пойдёт на каратиновую муку, в ней витаминов в три раза больше, чем в других хвойных.

Новая технология рубок экономически выгодна. И для рабочих хороша: сучья бросать на волок недалеко, и люди уже идут на эту работу, потому что можно заработать вдвое против прежнего. Лес будет жить! К сожалению, новая технология годится только для южных склонов. На северных – нельзя. Дерево не падает вниз. Оно стоит под острым углом к склону и гнётся ещё к югу, к солнцу. Там надо ещё подумать.

Побывали мы и на опытной подсочке. Ребята заложили несколько тысяч карр шестью разными способами, чтобы узнать, какой годится для кедра. Ну, жён максимальный выход живицы и минимальный вред дереву.

Пока мне больше всего симпатичен ребристый восходящий надрез ствола. Ребята сделали удивительное открытие. При таком способе нижний надрез, сделанный в конце мая, в начале июня уже зарастает! Я не поверил. Мы с Виталием брали ножичком пробы – да, зарастает! Ну и молодцы же хлопцы!

В стаканчиках у стволов кедров – прозрачный кедровый сок. Он тянется длинными струями и от хвоинок на его поверхности – ещё чище.

15 августа, четверг

Снова славно на дворе. Мы собрались в отъезд. Шофёр Лёша Гувернант подъехал к парфёновской заимке часа в два – в час, пригласил в кабину.

– Сколько ехать? – спросила Лена.

– 65 километров.

– Часа два?

– Шесть. Если, конечно, с машиной будет всё в порядке. Дорога-то...

Дорога была аховая. Если б не мощный наш ЗИЛ-157 – кранты. Колдобины, грязевые набукованные ямы, объезды. Доски, что вёз в Иогач Лёша, сползали назад, и он несколько раз останавливался, пытался на какую-нибудь лесину и подвигал их вперёд. Потом пассажиры снова лезли на них, и всё начиналось сначала.

Среди пассажиров была Валя, что ехала с нами от Бийска. Уже год весь Кедроград потешается над Володей Ульяновым. Он ходит за ней, готов таскать её на горбу через пыль и грязь, делает чуть не каждый день ей предложения, а она только смеётся.

Валя ехала до Карозера. По долине Уймени несколько таких вот кержацких поселений. Темно и глухо в них, только, наверное, окружающая природа заменяет им многое из того, чего им тут недостаёт...

Через широкую луговину тяжело пролетела большая коричневая птица. В котлях она несла змею. Птица вертела головой – куда бы присесть, чтобы пообедать? У неё были жёлтые подпалыны. Змея извивалась в воздухе. Птицу зовут скопой.

Пошли больше ели, пихта исчезла, и сосна зазолотила лесные окоёмы... Лёша всю дорогу хорошо рассказывает о лесосплаве. В устье Уймени собирается много народу. "И всё молодёжь! – с восторгом восклицает Лёша. – Гармошка – это уж обязательно, на сплаве без гармошки никак нельзя. Песни, а без них какой сплав? Река ревьёт, брёвна летят, будто их выстреливают. Опасно, конечно, зато хорошо – интересно! Заломы разбирать – это, конечно, искусство и работа тяжёлая, однако хорошо – интересно. А летишь в лодчонке посреди реки, того и гляди о камень или в водоворот под камнем. Зато рискованно, весело..."

Переправились на пароме через Бию. Паромщик сообщил, что полчаса назад какой-то мужик решил на лошади переправляться. Сбило его и лошадь, видно ударило камнем. Он пожалел коня, отпустил. Конь выплыл – вон стоит вороной привязанный, а самого нет.

– Как нет!

– Так и нет. Как не было будто.

– А спасти?

– Как спасёшь?

Бия гудела в порогах выше переправы, вся шла сразу, одной зелёной массой, и вся в завитках – над невидимыми камнями крутило и завивало воду, плело хвосты и зелёные косы. Куда там спасти!

Дорога к Иогачу полегче, но тоже трясёт. Внизу справа – Бия, а дорога над ней, на полках. Слева курумник подступает к самым колёсам. Бия раздваивает землю, ворочает камни, трудится на совесть, ярится, чтоб постепенно и незаметно сдать, успокоиться и раствориться, затеряться в океане.

16 августа, пятница

Иогач. Озеро совсем не такое, каким я видел его в первый свой приезд. Оно ясное, как Божий зрак, покойное, сине-зелёное. И жара стоит возле него удивительная. От такой духоты охота скорей ехать куда-нибудь под кедровые или на берег горной речки.

Николая Телегина нет – в Барнауле. Виталий Скрипнюк – на Пландуколе, Лосином озере.

Остановились в комнате, которую арендует для своих лесоустроителей Телегин. Там Галя Рябцева, до недавнего времени кедроградка, – высоченная и рябая девушка.

– Кто бы мне сказал, отчего я такая?

– А что? Какая?

– Мне нравится ездить, видеть, разных людей встречать. В моей трудовой книжке уже некуда ничего писать. Я и сверловщицей работала, и на стройке, и на складе. На складе, правда, я так только, бумажки перебирала, а все думали, что я работаю.

– А почему после десятилетки в институт не пошла?

– Понимаете, спать очень хотелось.

– Как это – спать?

– Получила аттестат, и сразу меня – как ударило. Ночь сплю и день сплю. Встану, поем и снова спать. Совсем заспалась, глаза не видят. Потом я подумала, что у меня туберкулёз. Прочитала в одной книжке, какой туберкулёз бывает, и прихожу к врачу, говорю: сонливость одолевает, плечи давит и слабость какая-то, вялость. Обследовали меня – всё в порядке, говорят. Тогда я вообразила, что у меня белокровие – или как его там? – малокровие. Обследовали – ничего нет. Тогда уж я спокойно спала...

– А родители у вас есть?

– Как же! Есть. Папа ругается – в кого, говорит, ты такая. А мама говорит – пусть девочка отдохнёт после десятилетки.

– А кто у вас папа?

– Плотник. Мы в Баку живём.

– Ну, а дальше что?

– Поступила на склад. Потом в другие места поступала. Сейчас возьмут меня в партию или нет? Я же в Кедрограде паспорт оставила.

– Без паспорта, пожалуй, не возьмут...

– Вот и я думаю, что не возьмут.

Она говорит спокойно, обстоятельно, не рисуясь и не играя. Когда мы нахотались вволю, она без тени улыбки воскликнула:

– Кто бы мне сказал, чего я хочу!

Приехал Скрипнюк. Он, оказывается, был не на Пландуколе, а смотрел с главным лесничим Женей Титовым орех. Орех зреет, по посёлку ходят мальчишки и грызут его. Он уже почти совсем спелый.

В этом году, после двух неурожайных лет, орех выдался балла на три, часть пустой, шишка неполная и на кедре её не густо. 350 тонн – смешно даже говорить.

Вечером купил водки, и мы до двух часов ночи пели песни...

17 августа, суббота

Утром были у Ого в гостях. Ели хариуса и окуня пландукольского. Ого сказал, что не любит степь и перелески, а любит вот такие места: горы и горную тайгу. Взойдешь на сопку – тяжело дышишь, всюю, чтоб сердцу кровь дать, и устал вроде бы, а глянешь – за этой сопкой новая, ещё красивее: вся синяя и зелёная, и голубой дым над ней. И снова охота идти. Дальше.

У Ого два пса: Тайга и Шайтан, брат и сестра титовской Би, и младшие кровные родственники парфёновского Кедр. Виталий тогда, три года назад, хорошее дело сделал: завёз тофаларскую лайку сюда. Собаки получились, что надо, коренные таёжники. Они привязаны к хозяину, не обижают никого понапрасну, смелы, умны, выносливы, и в крови у них живет инстинкт прирождённого охотника. Они идут на любого зверя...

В Иогаче пыльно, душно, и я с радостью уехал. Миша Твеленев дал палатку и спальные мешки, мы накупили масла, хлеба, сахару, консервированной капусты и двинулись.

Горы величаво и просто лежали по берегам, озеро было покойно, тихо, на воде серебрились, будто рыба чешуя, блики...

В сумерках добрались до реки Чили. Зашли в незаметную бухточку, развели костер...

18 августа, воскресенье

Бухта Чивили врезана в берег довольно глубоко, но её никто не знает. Дело в том, что она – лишь часть большой бухты, где очень удобный причал, две песчаных отмели, курилка новенькая, поставленная кедроградцами. Это всё привлекает, и сделало это место традиционной стоянкой туристов, “плановых” и “дикарей”. В нашей бухте – беспорядочно наворочены камни, и кажется, что нет подступа. Однако Виталий и его друзья разобрали на берегу место, освободили его от камней, и славно вышло.

Мы причалили поздно, уже темнело, зажгли на прибрежных камнях бересту, и стало ярко, светло, серые камни будто задвигались, потому что ветер сбивал пламя. Вода была чёрной и холодной. Я помогал втаскивать лодку и, конечно, промочил сапоги. Добро, что в бухте Чивили много дров. Это одно из её достоинств. Туристы в трехстах метрах отсюда рыскают по лесу в поисках палки, а у нас озеро набило весь берег лесом, отполированным, отмытым. Он жёлто-бел и кажется костями каких-то погибших чудищ таёжных. Возьмешь в руки, и ощущение того, что это кости, – усиливается. Они легки, хрупки и остры на слом.

Развели костер, стало жарко. Попили чаю и, обессиленные, повалились у костра. Мы с Леной влезли в мешки, а Виталий лёг почти нагишом.

Ну, правда, когда мы подъехали, бухта произвела на всех очень радостное впечатление: мы мёрзли на воде, продувало, брызгало холодной водой, а тут, оказывается, тёплые камни! Весь берег источал тепло, струил его с больших камней, будто от больших, старых, медленно остывающих русских печей...

Денёк вышел работным, бестолковым, нервным. Рано утром завели мотор и подскочили к устью Чили. Совершенно не клевало. Поднялась “верховка”, однако мы решили ехать в Челюш. По дну шлёпало, нос заносило (что за странное сочетание), но доплыли. И тут не клюёт. Однако клюнуло у старика Давида Одуева – он ставил десяток сетей и накидал нам в рюкзак с десяток хариусов. Мы накопали полный рюкзак картошки и примчали назад. Победив, поехали на пожар. Алтын-ту горела. Дым застилал весь верх озера.

Мы ехали, смотря вперед жадно и тревожно, – не знали, как и сколько горит, что за опасность нависла над лесами. Гора Алтын-Ту (Золотая гора), о которой я уже однажды писал, горела. Это не был верховой пал, не сплошное пламя билось, а горел и дымился подстил и подрост: мох, коряги, поваленные деревья, кусты, трава. Пламя жило в десятках разных мест, меж каменных глыб осыпей и скал, двигалось в разные стороны. Валил дым, а солнце, что медленно шло над горой, было красным. На фоне его светового пятна дым был жёлтым и только там, где пламя хватало живой лес, кроны, – валил чёрный дым. Нехорошее это зрелище – лесной пожар. Дула “верховка” – ветер с Чулышмана и пламя по всей высоте горы ползло змеями, перекидывалось ветром всё дальше по горе – к границе кедроградских лесов...

С горы то и дело раздавался грохот. Вокруг камней обгорало, и они рушились с громом великим, захватывая новые камни. Крутой, местами отвесный склон горы, стены каменные исключали всякую возможность тушения пожара. Нет, это не равнинные пожары в Иркутске. Тут сам не полезешь и людей не пошлешь...

– Что делать?

– Два возможных варианта, – сказал Виталий Скрипнюк. – Либо тушить, либо не тушить. Не тушить нельзя, преступление, народный лес горит. Дождя не предвидится. Значит, надо тушить...

Я предложил третий выход: не тушить, не выжидать, а собирать людей, лезть в какой-нибудь лог поодаль от пожара, егодвигающейся кромки и вырывать траву, мох, засыпать песком и землёй широкую полосу, чтоб ограничить зону пожара определённым участком. На том и порешили. Только где брать людей? Отдыхающих, туристов? Едва ли они полезут. Рабочих срывать за 100 км отсюда с лесозаготовок? Лесников? Тех, что не ушли на медведя, не в отпуске, не на рыбалке. И вообще, мне казалось нереальной организация тушения этого пожара...

Мы стали заводить мотор, и он почему-то начал вибрировать и стучать. Оглядели его внимательно: потерялся стопорный винт магнето... Что делать? Главное, Лена сидела одна в Чивилиях и, возможно, ей пришлось бы одной заочевать. Подошёл “Алмаз” – теплоходшко. Виталий быстро вскочил на него. Капитан наперерез – нельзя в машинное. “Мне надо болт отпилить и прорезь нарезать”. – “У меня пароход, а тут болт”. – “А у меня пожар”, – сказал Виталий. Капитан сам всё сделал и дал гудок. Я тоже был на борту – хотел попроситься, чтоб высадили в Чивилиях: Лена первую ночь в тайге одна. Но Виталий сказал, что с болтом всё в порядке, и я решил ехать с ним.

Приехали измученные. Виталий всё же нашёл в себе силы поехать в устье Чили рыбачить. Принёс десяток рыбок...

19 августа, понедельник

Утро было лучезарным, озеро стояло, млея в горах, зелёных, больших, покатых. Ребята уехали. И мы остались с деревьями, птицами и рыбами, со звёздами и водой, с камнями и упоительным здешним воздухом. Доброе утро, друзья. Все вы теперь – мои, а я ваш. Будит обычно кедровка. Лучший друг величавого и неподвижного кедра, она и его противоположность. Непоседа, хлопотунья и крикунья, она поднимает гвалт с утра. Голоса у неё разные. Чаще всего она кричит исполошённо, будто ворона, которая торопится пропеть свой немудрёный вороний репертуар. Есть ещё у неё звуки, похожие на перекличку осипших кукушек, а то вдруг так заорёт, будто она подышает, а её давят.

Высоко над бухтой вздымается гора, по ней иногда ползут облака. Там, под облаками, вечно шумит лес, и слышатся далёкие, будто с небес, клики желны, канюка, скопы.

Гора стоит так, что из палатки видна Большая Медведица, лежащая ковшем на ней.

Сделал самодур, но что-то не клюет хариус. И мушка, которую подарил мне В. Парфёнов, что-то не по вкусу здешнему хариусу.

Вокруг палатки – берёза, сосна, лиственница, ольха, маральник. Кедр нет. Маральника много. Если растереть его листья в ладони, они так по-таёжному пахнут, что кружится голова. Надо будет увезти с собой в Москву его веточек, подержать до зимы, а потом поставить в бутылку – они так красиво зацветут.

Вечером бухта Чивили так необыкновенно мерцает, дрожит, рябит и блестит, создавая из чёрной и серой красок феномен – неповторимое, небывалое. Мы избалованы природой и не замечаем, как она хороша, как хочет, чтоб мы стали вровень с нею. Это касается и всей нашей жизни. Народ наш, бесспорно, отмечен природой, ему она предназначила нести крест огромного эксперимента. Ведь перестройка человеческого общества – тоже явление природного порядка.

20 августа, вторник

Виталий Парфёнов дал мне с собой “Белку”, патроны в верхний ствол и пачку патронов в нарезной. Добыл бурундука сегодня, пристреливая вин-

товку, ободрал его, и Лена задумала сделать из шкурки чучело для Иринки. А ружьё тут же отказало!

Вспомнил, что, возвращаясь с пожара, увидел в воде странное, невиданное и неслыханное явление. Солнце в высоких перистых облаках стояло, медленно вместе с ними продвигаясь над горой. На небе оно было белым, даже серо-белым, обыкновенным до тошноты, зато в воде его отражение расцвело всеми цветами радуги. Подумалось, что это радуга в брызгах от лодки, однако нет: с кормы и с носа виделось облако одинаково.

Несколько радуг одновременно в разных местах и друг над другом — ещё одна особенность здешних мест. В 61-м я видел на Яйлю две радуги, в этом году ещё не пришлось. Виталий Скрипнюк с особым сиянием в глазах рассказывал мне, как он сидел посреди Пландуколя на плоту, ловил окуня. Прошёл сильный дождь, в озеро опустилось несколько радуг, и вдруг он оказался в центре радужного столба. Смотрел в разные стороны и видел — фиолетовый, красный, оранжевый, зелёный и остальные цвета.

Алтын-Ту называют так оттого, что первые лучи солнца обливают её вершину золотом.

К ночи или под грозовой тучей вода в озере становится аспидной, лоснящейся, будто это не вода, а нефть.

22 августа, четверг

Главное впечатление от тайги — непорочная чистота. Умытая дождями, тайга будто сама заботится о своей чистоте. Гнильё она быстро покроеет зелёным и белым мхом, а он чист, светел и почти стерилен — на него почему-то не лезут мошки-блшки и червячки. Только очень много в это время пауков. Они перегораживают все проходы и путают своей паутиной руки, противно липнут к лицу их сети. Правда, противно только сначала, а потом привыкаешь и, признав, что это неизбежная принадлежность тайги, смиряешься с нею.

Шли низинкой в надежде найти ягод, но эту низинку поразила боярышница в этом году. Черемуховые листья стоят, опутанные паутиной и прозрачными стали, только сеточка из жилок. Нет также смородины — ни красной, ни чёрной, — ни малины.

Под ногами — хвощи, папоротники, бадан — обычное таежное разнотравье, много валежин, в том числе и молодых — видно, недавно прошла буря. Под ногами мягко и чисто, и зелено, и хорошо.

Звуки вечерней тайги стоило бы записать на ленту и дома иногда прокручивать. Лес над нами шумит ровно и мощно, будто море, только иногда зашумит полосой, точно поезд промчится далёкий. Озеро плещется в прибрежных камнях, а по другую сторону бухты оно бьёт в щели и гроты. Эти звуки полны и гулки, будто оттыкают бочки. А где-то в озёрной дали живёт особый рёв, приглушённый и мерный; его легко спутать с рёвом моторной лодки. И не смолкают, пока не заснёшь, стригали-кузнечики...

23 августа, пятница

Река Чили, что впадает в озеро в трехстах метрах от нашего лагеря, — хорошая. По-русски это название означает "хрустальная река". Она круто падает меж двух гор, в бурливых местах — белая, а за камнями и на сливах — прозрачно-зелёная. Мечется, взрывает, и от соседней горы её шум отбивает к нам, уже приглушённый, смягчённый лесом. Над ней зависли старые деревья, а на ложе её — светло-жёлтые и белые камни. Огромные окатанные глыбы лежат по её берегам. Они шероховаты, и по ним можно смело прыгать в моих кирзовых сапогах. Возле речки прохладно, свежо, чисто, и она бодрит своим движением и энергией.

В этой благородной речке должны жить благородные обитатели. Так оно и есть — хариус, чудесная сибирская рыба, любит такие чистые, быстрые и радостные воды.

У меня он плохо ловился в первые два дня. Совсем не брал парфёновскую мушку, разрекламированную им до неприличия. В этот свой приезд Виталий Скрипнюк показал, как он делает мушки, и пошло. Сегодня принёс десяток хариусов, из них три довольно крупных. Мелочь хватает в перекатах и в устье, а те, что постарше, поопытней и пожирней, стоят за камнями, караулят мушку. Живет хариус, видать, впроголодь — желудки у них пусты. Если бы пройти повыше километра на три-четыре — можно бы натаскать хороших. Но подъём туда тяжёл и труден.

24 августа, суббота

Засентябрило, что ли? Идут дожди. Сегодня мы видели стену дождя совсем рядом, над озером. Серая кисея – можно было хорошо наблюдать отдельные нити – колыхалась, реялась кисея эта, бахрома из серых нитей, подвешенная к туче, никуда не шла, а только величаво колыхалась, будто какие-то неземные растения реяли в воде. Камни на берегу стали скользкими. Ночью сегодня проснулся от мелкой дрожи, сотрясающей всё тело. Сыро. Раздул костёр, вскипятил и заварил чай. Согрелся. Хлеб кончился. Сегодня должен был приехать Виталий Скрипнюк, привезти хлеба, водки и табаку. Однако нет его. У нас был килограмм вермишели, начали её толочь, разводить в воде и печь оладьи. Ходил по пляжу, собирал окурки – то-то позорное занятие! И бесполезное – какой некурящий турист пошёл! Плавится у озера много хариуса, но бегать с самодуром нельзя – скользко. Наловил немного удочкой.

Спинка у хариуса зелёно-серая, со светлым орнаментом такой сложной разрисовки, будто это окантовка крупной купюры. Под цвет здешней воды. А брюшко у него светло-жёлтое – под цвет дна. Приспособился, бродяга! Но вкусен же он! Нет костей острых и главная кость – хребтиночка, тоненькая, которую тоже можно жевать и сосать. Голова жирна и студениста. Эта сибирская форель змеится, когда её возьмёшь в руку, сильными движениями старается вырваться. Из жабр течёт довольно много крови. Стоит он под камнями, в омучках, хватает хорошо, накрепко. До чего приятно его тяжесть на конце удилица!

Напротив Челюша бежит и бежит посреди горы облако, заворачивает потом в широкий распадок и по его склону – на небо. Почему оно не сдувается очень сильной “низовкой”? Глянул получше и увидел, что тут, как раз напротив нас, нарождается это облако. Из малоприметной дымки собирается густое серо-белое облако и движется, движется, движется. Никогда не видал, чтобы облака нарождались прямо из воды. “Низовка” испаряла очень сильно, подымала воду из озера, и она вступала в извечный круговорот.

25 августа, воскресенье

Он пришёл утром. Бешеный и жалкий блеск от дьявольского нагорного зелья исчез в его глазах, и мы посидели ладом у костра, поели уши, попили чаю.

– И в кино я не хожу по году и больше. Не хочу мякину клевать. И в газетах тоже всё не то. Слова такие, будто бочка пустая с горы катится, а человеку нужны тёплые слова и густые. . .

Он много говорит о природе. “Она же наша мать родная”, – повторяет он, и вот тут-то мы с ним сошлись. Он также против этого непомерного гидростроительства, что раздули мы в последние годы.

Говорит он об этом с волнением, крупно выговаривая дуракам-учёным и тем, кто их слушает.

– Вот Сибирь нашу красивую подведут под монастырь – дождёмся! На случай войны сколько люду погибнет зря! А потом – земля не стерпит такого положения.

– Как не стерпит?

– Вода – она свои законы соблюдать будет.

– Рыба?

– Да уж рыбы-то теперь по Сибири поубавилось, а что дальше будет.

– Что?

– Земля вращенье имеет по своим законам? Имеет. Это всё сравнено её вращенье, а ты нарушь в шаре форму или вес равномерный. Что будет?

– Ну – что?

– Водохранилища-то сколько воды соберут там, где её не было. Вес Сибири увеличится, а что от этого может быть – никто не знает.

Борису 32 года, из них 20 он просидел в лагерях. Говорит, что его положение узаконено, – власти знают. Говорит, что живёт на “пензеюшку”, ему, как инвалиду первой группы, платят, а здоровье своё он потерял – тебе-то, говорит, можно сказать – на испытаниях сам знаешь каких бомб, и сейчас гниёт заживо.

На озере он третий раз – ему по душе пришёлся этот уголок Сибири. Палатки и мешка у него нет.

– Всё на мне. Ложусь у костра и сплю. Комбинезон меховой вырывает.

Всё мечтает достать книгу про травы сибирские и пробовать их на себе. Он приземист, нетороплив в движениях, глаза у него карие и лоб большой. Может, он и привирает про лучевую болезнь, а может, и правду говорит. Два месяца весной он пробыл тут, на озере, смотрел весну, толкует, была высшая категория радости – как всё пробуждается, видеть.

– Кости харюзячи в костёр не надо, – сказал он, проследив, как я бросил нежный скелетик рыбы в огонь.

– Почему?

– На них приползает змея.

Хариуса он зовет “хайрузом”, тайменя – “талменем”.

– Печень талмена не ешьте – кожа облезет. Потом обновится, но поначалу облезет. Как у младенца потом станет.

Мы с ним пошли рыбачить в устье Чили. Дорогой я поймал на самодур крупного хариуса и на реке нескольких. Клёв начался редкий, и вдруг затахтел над ухом мотор. “Бригантина” пришла – катер научного стационара.

27 августа, вторник

Полная улыбчивая девушка перекричала Чили:

– Мы за вами!

– А куда вы нас?

– В Чирю Скрипнюк просил перевезти!

Мы быстро собрались, свернули палатку. Борису оставили картошки и освоенное место, пожелали друг другу поймать тайменя и ещё раз встретиться тут.

На полпути увидели двойную радугу – такую же, какую я видел здесь два года назад. Первая, нижняя – ярче, контрастнее, потом идёт полоса широкая неопределённого, какого-то размытого фиолетового цвета, и потом радуга посветлей; в ней цвета располагаются в обратном порядке – фиолетовый, синий, голубой, зелёный, желтый, оранжевый, красный...

28 августа, среда

Стали лагерем в самом дальнем уголке Кыгинского залива, под скалами, но место это цивилизованное – рядом кордон, в котором живут два лесника – Хлобыстов Дмитрий Климентьевич и Николай Парашин. Там же, в серединке дома, – комната “научников”.

Мы истопили баню по-чёрному, поставили рядом с баней свою палатку, чтоб она просохла, а спать после бани устроились у “Зотевны”, как отрекомендовалась при знакомстве жена Хлобыстова. Она прожила тут с мужиком 17 лет, знает тайгу и все таежные промыслы, толста, но поворотлива, и радуется мой слух “кондовыми” сибирскими словечками: “лонись”, “рясный” и т. п.

С мрачным её супругом, похмельного вида человеком, я познакомился на пожаре. Сейчас он на Беле, не то печи кладёт, не то крышу кроет... Хлобыстов был на фронте и вернулся оттуда побитый, штопаный и не в себе. Тайгой начал лечиться, работой лесной. Однако в тайгу ходит только с женой. Он иногда падал на тропе без сознания и в самых неподходящих местах. Последствия этой контузии долго не проходили, и Зотевна жила в избушке таёжной каждую зиму, а как долго нет самого – шла по следу искать, где он лежит.

Место наше бойкое – напротив палатки пристаёт “Алмаз”, привозит и увозит пассажиров, которых все меньше и меньше, торгует в нём крохотный буфетик, который, однако, с голоду помереть не даст: есть хлеб, конфеты, папиросы.

30 августа, пятница

Вчера вечером Таня Новикова, она работает в научном стационаре по насекомым-вредителям кедра, вернулась уже в темноте. У нас был готов ужин, и была водка. Хорошо посидели у палатки. Таня – москвичка. Перебинтовывала у костра ногу. У неё сбоку колени – большая рваная рана. Ей зашили её в Иогаче, однако тут швы разошлись и рана мокнет, гниёт. Эта беспечность меня тут поражает у всех людей. Хотя я ведь в 20 лет был ещё беспечнее, не раз бесцельно рисковал не только здоровьем, но и самой жизнью: переплывал один Енисей у Красноярска, бросался с пихтушки на нижний сук кедра метрах в 12 от земли, прыгал ночью в кромешную тьму с товарняка, лез в драки на сверкающие ножи. Наверно, кому-то надо было, чтоб я уцелел.

Таня — крупная, круглолицая и улыбочивая девушка — рассказала, что 4 августа ушла в горы одна девчонка из Москвы. Звать её Юлия, она из Менделеевского. Решила почему-то повторить маршрут Юры Симукова: пройти в одиночку к вершине Абакана, выйти в Хакасию. Юрий тогда прошёл, написав после ребятам на озеро, что кровнику, самому злему врагу не желал бы такого маршрута. Вылез из тайги едва живым. А Юля, видно, погибла. Она должна была 24 августа дать радиограмму, что вышла. Не дала.

У неё не было ружья, хорошей карты. Она не может совсем ориентироваться в тайге. Первый раз вышла и через день спустилась. Попросила ребят, чтоб помогли ей найти рюкзак — она его, видите ли, потеряла, когда сбилась с тропы. Рюкзак ей нашли, вязали — не пускали, но она ушла.

Сегодня решили с Леной пройти за Каменный Стан. Это километров пять по реке вверх. Там, говорят, обвал был и если прорваться за него — есть рыба. Вышли утром пораньше. Тропа вдоль реки хорошая, торная. Мы двинулись шибко, идти хотелось по этой мшистой мягкой тропе, чтоб по сапогам ластилась таёжная трава и чуть дуло вдоль неё, и чтоб сердце не болело. На небольшом каменном прижиге увидели соболя. Он не слишком испугался, смотрел любопытно и независимо, будто знал, что его тут никто не тронет. Посидел на рябинке несколько секунд и неторопливо, но скоро пошёл зигзагами на ель, оттуда на сосну. Я залюбовался им, а собака, что была с нами, вся заиграла, затряслась, молча и нервно стала на задние лапы у сосны, смотрит то на нас, то на него, и каждое его движение провожает внезапно засиявшими глазами, и мелко дрожит, готовая взлететь туда, к вершинным мутовкам. Мы ушли по тропе, а Жучка, видно, долго гоняла соболишку и не понимала, почему мы его оставили. Мне рассказывали, что добрая собака очень обижается, если хозяин не может взять зверя. Иногда она от обиды даже убегает домой.

Позже собака догнала нас, и это было очень кстати. Она не обиделась, потому что была очень молодой сучкой, ещё не выработавшей в себе собачьего достоинства. Километрах в четырёх от начала тропы Жучка вдруг поджала хвост и уткнулась носом в наши ноги — на тропе желтел старый медвежий кал. Ну, не старый, а несколько дней назад, видно, прошёл тут Миша. Через сотню метров увидели совсем свежий след и почти парной кал — чистый орех. Пошли дальше, хотя этого делать не следовало, потому что через двести метров — новый след. И все по направлению от горы к реке. Он, видно, орешничал, а орех позывает на воду. Я встал след в след — здоровенный был медвежина! Решили вернуться. Сделали правильно, потому что возвращались бы мы в темноте уже, и мишка мог, конечно, напугать. Оружия у меня никакого, кроме перочинного ножа, и Лена посоветовала мне переложить его в ближний карман.

Чуть ниже медвежьей тропы поудил с полчаса, достал неплохого хариуса.

Вернулись.

31 августа, воскресенье

В тайге уже много падунца — шишки, правда, падают пока слабые, порченные или самые спелые, но собирать уже можно. Жаль, что главная шишка сидит крепко, можно было бы кедроградцам готовить начинать. Ведь у них 300 тонн плана в этом году...

Зашли в Кедрач. Вот они, знаменитые кыгинские кедрсы! Давно уже я не испытывал такой радости при виде этого могучего дерева. Кедрсы тут, в самом деле, исполины. Диаметр у земли, считая наружные корневища, метров до пяти. И это не единичные деревья. Слышал я, что кыгинским кедром 500 лет, — не верил, но сейчас поверил. Это самый старый кедрач Сибири, и моя экскурсия — не пустое дело от одного того, что я увидел кыгинские уникальные древостои.

Влез в коряги, в траву и папоротники. Шишка была. Правда, часть — совсем пустые, часть — плесневелые, часть — с шишковой огнёвкой внутри, но орех брать можно было. Быстро, за час примерно, собрали полтора мешка. Половину этого я взял под самым большим кедром. Вершину его нельзя увидеть вблизи, и надо этого гиганта рассматривать со стороны, как гору. Шишка лежит беспорядочно: закатывается меж корневищ, на валежинах лежит и под ними, в папоротниках и в венце стрельчатом, в центре этих земных фонтанов. Шишка лёгкая и сухая.

На ветровальной лесине я сделал топором вырубку и рубель примитивный вырубил. Плащ-палатка пригодилась. Начал я шишку тереть, рушить, а Лена собирала ещё орех. Нахлынули воспоминания детства, когда я каждую осень орешничал, принимая как должное этот опасный и тяжкий труд. Ноги и руки дрожат, бывало, когда спускаешься с последней на дно кедрины...

На вершине струит меж хвои слабый ветер, коего внизу совсем не узреть, не учуять. Вершина, толщиной в руку твою, ходит, но кажется, что под тобой ходит лес и далекие синие холмы. Бывает, что вершины мягко обёрнуты в зелёный мох, тут пахнет смолой и пронзительной нашатырной свежестью, потому что мимо тебя струят к небу те добрые струи, что оживил кедр. Радостно добраться до кроны – это 6–8, до десятка шишек на самой вершине – и обрушить её, чтоб потом послушать, как шуршат по кроне шишки, и этот звук внизу затихает.

На высокий кедр лазил я – в ветер. Это ничего, только держись покрепче, и уже не перекликнешься со сборщиком – ветер срывает звук и уносит. На кедре становишься зверем, потому что ты один на один с лесным великаном и должен, чтобы не погибнуть, меньше думать, а больше доверять инстинкту. Иной сук, на который ты встал дрожащей ногой, вроде бы и толст, и с виду крепок, но обламывается у заболони, а иной и тонок, будто спица, а держит. Южные сучья крепче северных, и в дождь надо быть особо осторожным: кедр становится ломким в сырую погоду, хотя он и так ломок. На длинных боковых сучьях висят, бывает, добрые гроздьи и надо идти к ним, пробираться, как будто ты циркач, держась рукой за верхний сук, а то и просто за хиденькую хвоинку, если чуешь, что устоишь.

Когти я обычно не брал с собой – лазил с помощью ремня, а то и просто безо всего. Да ещё босым. Спускаться-то хуже – обдерёшь и руки все, и колени до крови, и живот. Только зарастает всё быстро, потому что покрывается кедровой смолой, живицей, заживляющей всё быстро и бесследно.

Про орех говорится: стоит высоко, висит далеко, кругом гладко, в середине сладко. Или: стоит дерево мохнато, в мохнатом-то гладко, в гладком-то сладко...

Мы заготовили килограммов 15 ореха, правда, наполовину почти пустого, но эта работа освежила мне запахи и краски желанные.

1 сентября, понедельник

Мы выбрались из тайги к сумеркам. Перед отходом от овина услышали с озера частые выстрелы.

Вышли на берег – сплошная белесая пелена двигалась к Кыге, мелкий дождик сёк воду, а озеро покорно лежало под ним. Потом налетел ветер, и стало мутно кругом от воды, поднятой ветром навстречу дождю.

Застрекотал мотор у того берега, отделилась оттуда лодка – за нами. Это приехали Коля Телегин и Миша Твеленев, привезли рыбы свежей и хариуса в бумажке. Потом приехал Федя Ахмадиев, и к нашему костру подсел ещё Владик Воробьёв, и. о. зав. научного стационара.

Дождь кончился, и мы пировали до 2-х часов ночи, переговорили кучу разговоров, условились по многим делам. Это был один из самых интересных вечеров в этом году.

Владик Воробьёв – серьёзный, белобрысый паренек; хромой он отчего-то и настроен как-то отчаянно-терпеливо. Дела у него в стационаре неважные...

Стационар – последний заповедника. Чтобы как-то спасти дело, учредили этот стационар, который взялся за комплексную кедровую тему: почвы и кедр, кедровка и кедр, насекомые и кедр, флора и фауна в кедрачах. Но нет в сибирском отделении ни одного влиятельного учёного, который бы шефствовал над этой уникальной в своём роде работой. Каждому учёному киту нужен фактический материал из тайги, сбор информации. А ребята сами хотят этот материал использовать, сами хотят над ним думать. Кроме того, часть людей в стационаре работают с неохотой, с ленцой, и надо расставаться с ними.

Владик долго бился, чтоб Кыгу сделали заказником. Тут уникальный кедрач, тут зверьё непуганое, тут около десятка реликтовых эндемичных доледниковых растений. Заключил договор с Управлением лесным о заказнике в 4000 га, но это кошачьи слёзы. Хотя бы 15–20 тысяч...

Коля Телегин приглашает нас с Леной подняться лошадьми по профилю Владика, я согласился без особого восторга – боясь подъёма с моим серд-

цем, кроме того, на гольцах уже лёг снег: М. и Б. Камошта, Алтын-Ту покрылись снежными шапками. Можно за несколько дней сформировать порок сердца, а оно мне ещё нужно. Сидел я с ребятами и вспоминал ЦДЛовских чижигов-пыжиков. Какая разница в темах бесед, в характерах, в целях! Содружество “лесных братьев” крепнет.

4 сентября, четверг

Ловили рыбу. Погребу немного, и заболит сердце, поэтому на вёслах все время Лена. Когда вода лоснится, и на ней живут странные чёрно-голубые блики, хариус не берёт мушку, видит. Иногда он только играет с ней, но не берёт. А начнётся клёв – только успевай-вытаскивай, и досадно, что самодур – такая несовершенная снасть.

Попадают очень крупные хариусы, однако у меня нет сачка, и они обрывают крючки. Стало холодать. Когда солнце проглянет, внизу тепло, но стоит ему зайти – и с гор тянет прохладой. Интересно, что при взгляде на снег, что сияет на вершинах гор, холодит лоб. Это удивительное явление особенно замечаешь, когда наводишь на вершину Калюшты бинокль.

Надо трогаться домой, а то совсем припозднимся.

Уехали с “Алмазом” и по пути встретили “Лесоруба” – на нём едет Николай Телегин. Что делать, если так получилось.

Остановились в Яйлю, переночевали в комнате Феди Ахмадиева. Не знаю, отчего спалось плохо, хотя под боками были не камни, а матрацы и хорошие панцирные сетки. Думаю, что это оттого, что месяц мы спали на чистейшем горном воздухе, а тут всё же комната – клетка. Нет, человек, если уже не может жить под звёздами постоянно, должен хоть раз в году бросать свои каменные города и поселяться под небесным сводом!

Яйлю – по-алтайски “летник”, тёплое место. Среднегодовая температура здесь +4,4 градуса, то есть как в Подмоскowie. Правда, расположена Яйлю южнее, и солнце здесь выше ходит. Десятилетиями тут был неторопливый уклад жизни. Наблюдатели и лесники заповедника ловили рыбу – это была работа, прогуливались по тайге – грубоватый, самовластный человек разворошил тут всё. Он хочет оживить эти места, развил бешеную деятельность, однако много противоречивого тут можно услышать о его делах. Неплохая идея: посадить 500 га садов на правой стороне озера, однако много, очень много скептиков. Николай Павлович Смирнов, на что уж энтузиаст садового дела, однако и он сомневается в правильности методов освоения Бели. Костя (Константин Рослик, директор заказника. – **Е. Ч.**) хочет посадить там 150 га садов, 35 уже посадил, но главное – не посадить, а вырастить. Затеял там строительство, хочет поселить 30 семей, но им же каждой нужен покос и огород, иначе жить никто не будет. Н. П. предлагает ориентироваться на привозную сезонную рабочую силу. За счёт чего Рослик хочет выйти в коренники? Конечно, за счёт уничтожения природы! В этом году он рубил и в прошлом кондовый кедрач в Кыге на бочковую клёпку. Лежит там много могучих деревьев не вывезенными, а часть – с выпиленными лучшими местами ствола – в 3–4 ряда. Остальное брошено гнить. И это в заказнике! Сейчас Костя хлопочет, чтобы оттягать у Кедрограда Телецкое лесничество – ему нигде так удобно не подходят кедрачи, как по Колдору – напротив Яйлю. Но это уж дудки! Ещё одно хорошее дело он затеял: запустить в озеро байкальско-го омуля, но, кажется, у него нет ихтиологических материалов. Будет ли тут жить омуль? Есть ли ему еда? Телецкое озеро, – киндер-Байкал, но тут совсем нет соров, знаменитых байкальских рыбных пастбищ.

Каждый из моих знакомых яйлинских живёт своими заботами. Толя Малаховский, бывший директор Кедрограда, чьим гостеприимством мы тут пользуемся, собирается уезжать в Красноярск: его не удовлетворяет работа в Яйлю – мало её.

Федя Ахмадиев хочет учиться. Собирается поступать на философский факультет МГУ. Парень в юности болел туберкулёзом, два года на поддувке был, уехал на свежий воздух и сильно работал. Так работал и так зарабатывался, что к вечеру он был весь мокрый и руки-ноги гудели. Это состояние было приятным для организма – он хорошо, без просыпу спал. Стал каждый день ложиться в таком состоянии. Вначале ел через силу, потом появился аппетит. Фаталист. Убил двух медведей. Когда первый медведь после выстрела пошёл на него – он обрадовался, что сам его убьёт, потому что идёт на сближение

зверь, а не убегает. У него был карабин пятизарядный, который он брал напрокат (по 10 коп. в сутки) и четыре патрона ещё. Медведь встал и медленно и гордо пошёл на него. И молча. Федя палил в него, хорошо целясь, а медведь шёл. Потом начали стрелять сбоку. Федя близко видел его глаза: он смотрел не злобно, а как человек – мужественно, спокойно, и была в этих глазах решимость встретить смерть достойно. Потом медведь свалился.

– Ты вправду не испугался, когда он на тебя пошёл?

– Нет, обрадовался. И ты знаешь – я ещё ни разу в жизни не испытал страха. И очень хочу узнать, что это за чувство. Я думаю зарезать медведя ножом.

– Брось ты!

– Вправду. Не успокоюсь, пока не зарезу.

Он любит народные песни – русские, татарские, украинские, любит краски в горах, читать любит. И любит – глубоко и потаённо – одну женщину в Уймени. Я её встречал. Это вдова уйменского киномеханика, который два года назад погиб глупо: его выбросило из кузова машины на крутом повороте и – об камни. Остались жена и ребёнок. Федя никак не может вырваться в Уймень для решительного разговора.

Рослик уехал в Сталинградскую область за садоводческим опытом, Малаховский часть дороги был с ним, потом с ангиной вернулся, и Федя тут отдувался за них обоих.

Зашли с Федей в столярку, по пути расколотив у магазина пустой ящик из-под водки. Федя ловко обстрогал доски, принёс гвоздей и молоток, сбил узкий ящичек – и всё это ловко, споро. Пошли мы с ним в питомник и накопили кедров-трёхлеток. Заложили переселенцев мхом, намочили. Я за ними и заехал в Яйлю.

Виталий Скрипнюк приехал на моторке – весь мокрый и встрепанный. Он извиняется, что не приехал, когда мы его ждали, – зашился. Причина уважительная вполне. Дело в том, что краевое управление лесного хозяйства (Вашкевич) решило “оказать всемерную помощь” Кедрограду в сборе урожая – ведь ореха не было два года, и тут, конечно, надо ухватить. Не обеспечило ни мешками, ни сеткой, ни продуктами, а начали гнать людей в Кедроград, в том числе и к Виталию Скрипнюку. Приезжают бабёнки-неумеги, девочки в босоножках, да и мужики им под стать – сроду кедра не видывали. Наивно представляют себе жизнь в тайге.

– Откуда у вас можно позвонить?

– Ниоткуда.

– То есть?

– Куда вам надо звонить?

– В Барнаул.

– Невозможно.

– Ну, не разыгрывайте!

– Зачем вас разыгрывать?

– Как же вы связь держите?

– По радио.

Или:

– Скоро машина за нами придёт?

– А куда вам?

– Да на орех этот проклятый.

– В тайгу стал-быть?

– Ну, да.

– А какую вы машину ждёте?

– Ну, ехать-то на чём?

– На своих двоих. Дороги туда нет.

– Но женщин-то можно на лошадях подбросить?

– А они верхом могут?

– А что, у вас телег нету, что ли?

Общий хохот. Телеги! Тут есть урочище по названию “Медведь-не-пройдёт”, а они – телеги!

Костёр у них не горит, на кедры лазить не могут. Один ухарь залез, а слезть не может. Сидел полдня, полезли за ним. Другой пропал в 200 метрах от тропы. Напарники его ушли, а он хотел ещё шишку подобрать и догнать. Отошли метров 200, подождали с полчаса – нету. Пришли на место,

одежда его тяжелая лежит, мешок, а его нет. Давай кричать, потом стрелять, потом искать — как в воду канул. Четыре дня уж нет, и надо организовывать поиски. Короче, народишко этот бежит, не заготовив ни одного орешка. Вот что значит приспособляемость!

5 сентября, пятница

Перед отъездом из Яйлю Федя Ахмадиев предложил нам лодку. Мне очень хотелось посмотреть Камгинский залив и полуостров Чичелган.

Полуостров покорила меня своей красотой, своеобразными скалами в озере, прекрасной бухтой — тихой, устланной синей галькой, — близостью к Яйлю и Камге. Я размечтался о том, чтобы поселиться здесь хотя бы на несколько лет, с лодкой, сетями, ружьями, приёмником. И писать. В течение пяти лет я должен эту мечту осуществить. Лена хмурится. К сумеркам двинулись в Иогач. Дул встречный ветер, “низовка”, было люто холодно.

— Я не плаваю хмельной, нельзя. А так — в любую осеннюю погоду, до самых зимних штормов. Мы с Виталием тут все предсказания опровергли. Сколько раз мне говорили: не плавай, подожди утра, пропадёшь, глянь, какая волна пошла. А плыть надо. Плывёшь. И старожилы потом потянулись за нами. Но, правда, опрокинуться тут страшно — не выплывешь. Сто метров самое большее проплывёшь — и ко дну. А со дна тут почему-то никто ещё не подымался. Так озеро забирает, и с концом. Такая вода, что ли?

Приехали уже в темноте. Ребята нас ждали с “Алмазом” и разбрелись, кто куда. Однако собрались к ночи. Я был всё ещё под впечатлением последнего подарка золотого озера. Когда мы проплывали мимо Змеиной горы, что вздымается на полпути меж Яйлю и Иогачем, — она вдруг осветилась закатными лучами, облилась кровью и засияла. Мы ахали, охали, пока гора не погасла и не стала чёрной. . .

Перед тем как отправиться спать, встретились с Европой. Мы сидели на брёвнах в полутьме, палили сигаретки, когда подошли двое: Миша Твеленев и с ним кто-то в бороде, похожий на Бережного. Нас было пятеро: Ого Юст, эстонец, Виталий Скрипнюк, украинец, Федя Ахмадиев, татарин, нас двое русских. Этот тип в бороде представился:

— Юнг. Чистый немец.

— Это хорошо, что сам немец считает, что он чистый, — сказал я; мне не понравился какой-то особенный нажим на слове “чистый”.

— Не понял вас, — сказал Юнг с акцентом.

Я повторил, но понял, что это не немец с Поволжья или Одессчины, а немец оттуда.

— Как вы сюда попали? — спросил я, ещё не зная, прав ли я в своей догадке.

— О! Это пыль отшень трутно! Снакомый тшеловек помог.

Мы пошли на ночлег в арендованную комнату Телегина. Он, этот Юнг, ни с того ни с сего произнёс:

— Россия меня плёхо кормит.

— Россия многих кормит. И досыта, — сказал я, и даже мне самому слышался в моём голосе металл. — Может быть, зря.

Юнг не успокоился и стал мне по ходу разговора кидать одну кость за другой, и я их грыз, зло и победно. Он выступил подряд с такими тезисами:

— Советские студенты живут хуже студентов ГДР.

— Наши пленные помогли вам восстановить хозяйство.

— Объединённая Германия обгонит все страны. И т. д. и т. п.

Ну, я ему дал по мозгам. Ребята помалкивали, но я понял, что они слишком вежливы. Он, оказывается, в ПИБ приехал добровольно, на положении нашего инженера живёт. Это мечта для многих зарубежных специалистов — получить такой простор. Сейчас он руководит группой студентов — работает что-то по пожарам. Но я бы его не пускал сюда.

Ребята рассказывают, что был тут в Яйлю министр иностранных дел ГДР, жил целый месяц, отдыхал, ловил рыбу и вёл себя как человек.

6 сентября, суббота

Были сборы полдня, разговоры. Потом невероятной силы уха у Юста с огромной головой тайменя и прощальный телецкий вальс.

Лена стояла на мосту и только приседала от страха. Я сел в лодку к Фе-

де, а на другой были Скрипнюк, Твеленев и Ого. Мы выехали на полном газу в исток Бии, там уже шумела и бурунилась, вся в зелёных до самого, верно, дна, завитках густая тельцакая вода. Под нами она превращалась в бийскую, бурную, пенную, и мы поддавали шороху: резали её кругами и на отдельные ковриги, гладили, били днищами, взбалтывали моторами. Моторы – бедные – выли, когда выскакивали на валах из воды, захлёбывались и будто жаловались на своих неразумных хозяев. Мы шли на таран несколько раз, пробовали пробить бока друг другу и снова шли след в след мирными кругами. Ветер свистел и брызгами обдавало. Лена глядела расширенными глазами, что-то кричала, но не было слышно. Хорошо!

Добрались до Турочака к ночи на машине, которую арендовал Миша Твеленев до Бийска. Заночевали все, а утром Миша укатил.

7 сентября, воскресенье

В 3 часа алтайского времени сели на “Антон” в Турочаке, сделали пересадки в Барнауле и Новосибирске и – чудо нашего времени! – в 10 вечера московского были в Москве.

Вспоминаю свою поездку, оздоровлённо и свежо думаю о моих друзьях-товарищах, жалею, что писал этот дневник торопливо, небрежно – эка леньматушка! – и в памяти всплывают отдельные люди, встречи, фразы, что не успел записать...

Н. П. Смирнову перед отъездом я отдал свой боезапас для “Белки”. Он принял патроны в широкие ладони и сказал:

– Приезжайте. Через пять лет приедете – целы будут... Ваша жена собралась Людочке какой-то подарок купить! Не надо, прошу. Мы и не в такой бедности жили, а обидно. Вы меня поймёте...

Или собачья драка...

Или...

Самая красивая охота, наверное, на марала. Я на неё не попал – не начали ещё кричать быки. Рогач в эту пору – числа с 5 сентября – идёт на рог. Он трубит сам и бежит на звук. Трубка делается из болванки берёзовой, которая стачивается на конус, вытачивается в ней середина и, разрезанная, соединяется (палочками?). Трубка длинная, более полуметра и идет острым конусом на расширение, которое см 7–8 в диаметре. Звук – не то плач, не то пение, не то предсмертный крик – протяжен, необычно тонок, переливчат и ничего не напоминает. Марал идёт на него, и очень важно так встать, чтоб ветер дул с его стороны. Он безошибочно придёт на звук. И надо не только не замереть, а, наоборот, ходить, ломать валежины, через кусты продираться, будто это рогач, готовый, с нетерпением ждет брачного боя. Виталий Скрипнюк был на такой охоте, когда Шерстобитов (охотник. – **Е. Ч.**) прямо в лоб завалил семигодовалого самца. Виталий, замерев, сидел в кустах, а Шерстобитов, воткнув в бороду трубку, с усилием, надувая жилы на лбу, вытягивал из трубки через тонкое отверстие звучащий воздух. (Я пробовал дудку – нужно здорово раздуть легкие – работает всё: ноздри, губы, язык, щёки, лёгкие, рёбра расходятся аж – это нужно искусство).

Рогач появился тот раз неожиданно, будто тайга родила его тут же, на звук: беззвучно и тихо выросли за кустами рога, они невесомо качались на фоне неба, и никто бы не дал им весу два пуда. Рогач с недоумением всматривался в полянку, где ожидал увидеть противника. Кровь в нём уже кипела и сердце набирало разгон – копыта остры, рога тяжелы, шея бугрилась тяжёлыми долевыми мускулами, мгновенно взбухавшими и медленно, будто остывая, опадавшими.

Он смотрел всего несколько секунд, И уже был подан сигнал ногам – взметнуться и назад. Через долю секунды – не догнать бы его. Но грянул выстрел. Его ровная и слабая лобная кость была проломана, вспыхнуло солнце последний раз, и бык опустился на колени, и всё вытягивал и вытягивал морду к человеку, стелил её, прижимал к земле.

И так тихо и кротко опустился сам, не дрогнув, а просто замер, как скульптура.

Путевые заметки подготовила к публикации Е. Чивилихина.